

Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ,

член Монреальского отделения Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), составитель карты современной русской поэзии «Глагол» Донского книжного издательства

В марте 1996 года я уезжал на Совещание молодых писателей России в Москву по приглашению академика русской словесности Юрия Поликарповича Кузнецова и русского мыслителя Вадима Валериановича Кожинова. Так получилось, что на перроне (у табло отправления московского поезда) я столкнулся с Борисом Александровичем Орловым, бывшим в ту пору председателем приёмной комиссии Ленинградского отделения Союза писателей России. Он отнёсся ко мне доброжелательно, пояснив, что едет на Совещание редакторов морских газет. Узнав куда еду я, он сильно удивился тому, что меня пригласили в Москву, не поставив в известность его, как руководителя. Выяснилось, что мы поедем в разных вагонах, и потому договорились встретиться на нейтральной территории.

Через час после отправления поезда с Московского вокзала я нашёл его в одном из купе, активно беседующим с попутчиками. Увидев меня, Борис Александрович незамедлительно прекратил разговор, и мы вышли в тамбур.

Орлов упрекал меня в том, что я подверг критике произведения «значительных» питерских поэтов, в том числе и его, в журнале «Русский альманах» (такое издание выходило в городе на Неве с 1995 по 1999 годы под редакцией В.С. Скворцова) и в альманахе русской поэзии за 1995 год «Поэтическая орбита» под моей редакцией. Я попытался отстоять своё мнение, и в результате мы с Борисом Александровичем разругались. **«Я трупом лягу, но в Союз писателей ты не вступишь»**, – сказал он мне уже под утро, окончательно подводя итоговую черту нашим отношениям. Тем не менее, уже через четыре месяца я успешно прошёл приёмную комиссию, и мои документы в числе других шести были отправлены в Москву. Однако радость омрачилась – удостоверения из Москвы пришли всем, кроме меня. Это было осенью 1996 года. С тех пор я терпеливо жду, когда мне вручат удостоверение члена Союза писателей России с соответствующей датой вступления, либо

ИЗ КНИГИ

«ЗАПИСКИ

ИЗГОЯ»

пояснят, куда и на каком основании мои вступительные документы бесследно исчезли?

Все мои попытки установить местонахождение пакета вступительных документов, похищенного недоброжелателями на пути в Москву, были тщетными. Все мои жалобы игнорировались в корне. Один из литературных чиновников, впервые увидев меня, воскликнул: «О, это печально известный Тихомиров?!»

Друзья-писатели, у которых я останавливался с ночёвкой, слёзно просили скрывать этот факт от других литераторов. Исключения составляли Вячеслав Николаевич Кузнецов, в ту пору бывший председателем секции поэзии Питерского отделения Союза писателей России и секретарь этого же писательского отделения Лилия Абдрахмановна Насибулина. Однако оба эти чиновника противостоять Орлову не могли. Вячеслав Николаевич откровенно и панически боялся его, а Насибулина сама попала в опалу, правда не знаю к кому – в один прекрасный момент вместо её фамилии на писательском собрании была названа другая – Андрей Романов. Никто даже не предупредил заранее действующего секретаря об её отставке. Об этом я узнал от самой Лилии Абдрахмановны. Был ещё один человек, который активно поддерживал меня – это член Союза писателей Владимир Степанович Скворцов. Поддерживать-то поддерживал, но от его поддержки легче мне не становилось: он, как и все другие, не видел тогда реальных путей борьбы с чиновником.

Другие же, как я уже сказал – откровенно мне говорили, что бояться из-за меня налететь на проблемы, и когда мы вместе подходили к месту проведения секции (Инженерный замок), то они либо отставали, либо уходили вперёд, чтобы зайти в помещение без меня. Владимир Меньшиков, с которым я общался тогда наиболее близко, даже сказал однажды: **«Тебе надо было сначала вступить в Союз, а затем уже спорить»**. В ходе заседания секции поэзии ко мне так же никто не подходил, кроме новичков или таких же, как и я, изгоев. На одном из таких мероприятий я должен был выступить. Заранее подготовился, приехал пораньше из Тихвина. Меня встретил удивлённый председатель секции поэзии Вячеслав Николаевич Кузнецов. Оказывается, для того, чтобы я не приезжал, он отправил мне телеграмму с сообщением о, якобы, отмене намеченного ранее мероприятия. (Телеграмму я получил, когда приехал уже обратно). Ситуация для Кузнецова получилась неловкая, однако я на него не обиделся, понимая желание поэта избежать «кровопролития».

Выступить мне так и не дали, хотя моё выступление было запланировано ранее. Анализируя происходящие позже неудачи и печальные события, я очень пожалел, что в спорах с Борисом Орловым пытался отстаивать своё какое-то мнение. За свою позицию я жестоко поплатился мучительными страданиями и переживаниями от убивающей меня несправедливости со стороны собратьев по перу. Мои произведения демонстративно НИКОГДА не публиковали издания, контролируемые питерским отделением Союза писателей России. Передо мной выросла стена, которую я так и не смог пробить, отойдя от литературы и прекратив участвовать в выпусках журнала «Провинциал» и альманаха «Поэтическая орбита». Я не мог пройти отбор в питерский «День поэзии» по той простой причине, что моих стихов просто не читали. Давая оценку моим книгам, никто их не читал, поскольку склеенные мною страницы сохраняли свою девственность. Принесённые Ильей Штемлером и Ильёй Фояковым мои произведения в редакцию журнала «Нева» были отвергнуты литературным редактором Б. Друяном со словами, сказанными мне: **«А что ты там не поделил с Орловым?»**

От редакции: Прошло много лет, Орлов «трупом не лёг», как не «лёг на рельсы» Борис Ельцин, но Тихомирова-Тихвинского так и не приняли в Союз писателей – Орлов «подсуетился» для этого. Этот самовлюблённый человек никогда и никому не прощает критики в свой адрес. Десятки людей проходили унижительные процедуры приёма в Союз писателей безрезультатно, если не кланялись Орлову и не поддакивали ему во всём. И этот мстительный человек до сих пор «возглавляет» приёмную комиссию СПб отделения СП России! Никто не в силах повлиять на человека, у которого отсутствует совесть. Писатель Александр Ковалёв давно заметил: «В чём бы Орлова ни уличили, какую бы правду ему в глаза ни говорили, – с него всё, как с гуся вода! Он неустанно будет кричать: **Ложь! Клевета!**»